По странной иронии посмертной судьбы — той самой, когда тело Чехова везут в вагоне для устриц, а в доме, где жил Твардовский, рядом с мемориальной доской красуется вывеска «Галерея вин», - мнение «самого простого человека» было отдано другой «пирамиде» — той, которую строил Сергей Мавроди, «свободной демократической игре без принуждений», в которую оказались вовлечены сотни тысяч трудящихся и которую власти вознамерились пресечь

«Так кто же строит пирамиды и для кого?» — сурово вопрошали заголовки газетных статей, прозрачно намекая, что «кто-то строит незыблемую пирамиду (кстати, символ устойчивости) или ктото пытается удержаться наверху своей»

«Пирамида», о которой так много говорили тогда, несла вполне конкретный смысл - когда предыдущие вкладчики получают деньги последующих, а самым последним, естественно, не достается ничего.

На этом фоне писатель, вознамерившийся построить свою художественную «Пирамиду» (тоже, кстати, символ устойчивости), выглядел как бы чудаком, шагающим не в ногу со временем, которое готово в любую минуту потребовать его к ответу: «Так кто же строит пирамиды и для кого?» Акцент в этом вопросе падает

на слово «кто». Смерть старейшего русского писателя, почти ровесника века (родился в 1899 г.), последнего из могикан, обострила внимание к имени автора, представшего теперь уже перед лицом иного времени — Постэпохи.

Как разошлась она в оценках еще недавно хрестоматийно признанного художника, вошедшего при жизни — в историю советской литературы!

Последний певец эпохи соцреализма, творчество которого «целиком и полностью укладывается в рамки поэтики соцреализма» так окрестила умершего Леонова одна из газет, претендующих на интеллигентность

«Учитель, перед именем твоим...» — так патетически-смиренно почтил память художника Вл.Солоухин

«Великий русский писатель» присягали на верность патриотические издания.

Есть какая-то досадная несерьезность в той категоричности и поспешности, с какой Постэпоха примиряет эти обличья к образу Леонида Леонова - художнику чей философский и эстетический мир остается все еще непрочитанным: кто стоит за ним, какой человек, гражданин, мыслитель, еще недавно живший среди нас? Успели ли мы рассмотреть его лицо, сумели ли в полной мере если не оценить, то хотя бы понять неповторимость этой творческой индивидуальности? Или как всякий настоящий художник он унес с собой и свою тайну? И была ли она, эта тайна, ибо в свете разоблачительных юпитеров перестроечного времени обесцениванию подверглось все, в том числе и право писателя на личную судьбу, тайну, достоинство, на судьбу, не совпадающую с господствующими ныне представлениями, стереотипами

Не «сидел», не был в ГУЛАГе, не эмигрировал и не «возвращался», не подрывал всевозможными письмами проклятый режим, не печатался в самиздате... Сплошные «не».

Судьба Леонова — современника Горького, Есенина, Клюева, Булгакова, Цветаевой — писателей трагических судеб, убитых эпохой, выглядела слишком благополучной, спокойной, благонамеренной, что ли. Самостоянье человека, стоицизм, бремя ответственности, которое несет мастер, медленно, мучительно и терпеливо вынашивая замысел вещи, оттачивая и шлифуя, как алмаз, слово, стремясь к совершенству, - казались Постэпохе, взбудораженной процессом иррационализации культуры, устаревшими ис-

«По мере того как иррациональная позиция духа завоевывает пространство, - пророчески предвидел наше время Иохан Хейвинга, — границы ложных концепций в любой области раздвигаются до обширной зоны. Немедленная гласность, подстрекаемая мер кантильным интересом и погоней за сен сацией (разрядка наша. — И.Р.), раздувает простое несходство мнений до масштабов общенационального бреда. Идеи дня требуют сиюминутной реализации. Между тем великие идеи утверждали себя в этой жизни всегда очень медленно. Над всем миром висит облако словесного мусора, как пары асфальта и бензина над нашими городами».

«Тень завтрашнего дня», которую прогнозировал нидерландский философ, готова была накрыть всех нас с головой и в дыму словесного мусора поглотить едва различимые тогда еще во времени очертания «Пирамиды» свершения, предпринятого не с сиюминутными целями, и его автора, взвалившего себе на плечи задачу такой сложности.

Вне сомнения. Леонов как чуткий к современности писатель ощущал и перемены во времени, и то место, которое оно ему отводило отныне: соцреалиста, лауреата Госпремий, кавалера орденов Ленина, а не художника, создававшего и создавшего упорным трудом свой неповторимый леоновский мир...

В беседах со мной - а в последние годы его жизни они, многочасовые и короткие (по телефону), случались и у него дома, и на даче в Переделкине - писатель нередко кружным, ассоциативным путем, что вообще было свойственно его мышлению, совершал «прогулки» в прожитом времени, возвращаясь к мучившей его теме: художник и эпоха, пытаясь приоткрыть новому забывчивому поколению, как непросто было сохранить честь и и привести из нее - в добавлении к сказанному им - следуюшие слова: «Вообще, говоря, у нас утвердилось мнение, что литература — это легко, ежели с нахрапцем. Многие, существующие в жизни разговорами о литературе, не понимают даже в малой степени особенностей литературного творчества».

- В «Дороге на океан». - вспоминает Леонов, как бы иллюстрируя на собственном примере ту, давнюю мысль, - я отнимаю у Курилова (главного героя романа. — **И.Р**.) все — здоровье, любовь и т.д.

Я с ним веду разговор накануне трудной войны о важнейших

Чего только не писали о нем! Но герой зависит от эпохи, а не она от него!

Меня вызвал Щербаков и предложил все комментарии внести в текст. Я отказался. Я ведь графически расчисляю роман. Это рый то письмо читал, сказал ему: «Он нам всю душу оплевал»

И вот стали приходить люди из лагерей.

Однажды его привезли лечить от запоя (цирроз печени), он позвал меня и сказал: «Их все брали, а я все подписывал...» Он назвал цифру, от которой я ужаснулся.

Память Леонова, работавшего в это время над «Пирамидой», хранила живые свидетельства о казнях, лагерях, о страхах и предательствах. Мысль о закопанных в одну эпоху семидесяти миллионах мучила писателя, ведь, по его словам, «это требует особого разговора с переходом в высший регистр мышления. Одно дело, когда умирает Иван Ильич, один, а когда погибают сразу тысячи, сотни тысяч, миллионы, — проходит страх, наступает паралич мысли, тут сама бумага загорается».

Переход в «высший регистр мышления» давался нелегко. Документ, факт, вырвавшись вперед, в родительский дом (чем не возвращение блудного сына под отчий кров?), и его непостижимое возвращение есть результат дьявольского «чуда», воистину космических возможностей зла. притворившегося Добром, надругательства над святыми чув-

Это — одна из сильнейших страниц романа, когда бумага загорается... Такова сила воображения художника, но так ли уж далеко она разошлась с наукой, с научной картиной мира?

«В современной теоретической физике важную роль играет понятие «виртуального объекта» такого, который появляется, как призрак, на какую-то ничтожную долю секунды и тут же исчезает. Согласно новейшим представлениям, мерцающее облако виртуальных структур постоянно окружает реальные структуры, и эти души нерожденных вещей образуют берега того потока, в кото-

ром движутся вещи, оказавшие-

из самых интересных наших со-

временных мыслителей-ученых

Виктора Тростникова, чьи слова

мы привели, на языке логических

формул нельзя определить лаже

само понятие истинности, то ка-

кова же тогда должна быть логи-

вознамерившегося сказать о пос-

Ощущение того, что мы находимся «на краю» времени — ли-

цом к Апокалипсису — у послед-

ней черты - всегда было свой-

Время «перестройки и гласнос-

ти», на которые пришлось окон-

чательное завершение многолет-

ней «Пирамиды», похоже, усугу-

било и без того пессимистичес-

кие прогнозы писателя, и «пос-

ледние прогулки» по мирозданию

рисовались ему не иначе как

страшное видение его любимой

героини Дуни, когда после катас-

трофы, случившейся с миром, на

ее глазах из подземных люков

сплошь Дуне по колено, которым

скорее по щемящему зову серд-

ца, нежели по внешним призна-

кам, не смогла отказать в родст-

В наших разговорах, свидетель-

ствую, Леонов постоянно говорил

переживаемом нами. - об опас-

ности грядущей катастрофы,

нависшей над миром, прибегая к примеру с «Титаником»: еще ми-нута— и он рухнет в бездну вмес-те с веселящимися на палубе и

ничего не чувствующими пасса-

честно ставил диагноз болезни,

нас поразившей, предостерегая от

позиции радужного оптимизма,

всяческого «шапкамизакидайства»

(его словечко): «Бывают же такие

прочные оптимисты — ворон бед-

няге глаза клюет, а он и не чует».

птомы больного времени, пора-

зившие наше общество, о кото-

рых с тревогой размышлял Лео-

нов (привожу по записям). Вооб-

ще-то Леонид Максимович не

разрешал записывать за ним, но

отдельные важные для него вы-

сказывания он диктовал, оттачи-

вая каждое слово, кое-что мне

удалось, признаюсь, записать,

больна — надо ставить точный и

честный диагноз - без лжи, без

фальши, без двуличия... Не надо

мазать йодом ножку кровати -

когда-то при выкорчевке предрас-

судков старины были поврежде-

ны корни, которыми тысячелетия

питалась народная жизнь. Нель-

зя не вспомнить перегибы. Пере-

гибы, повторенные скоростным

способом, угнездились в гене, и

В основе лежит тот факт, что

Мне кажется, когда мать

несмотря на запрет):

сие не поможет.

Вот наиболее характерные сим-

Аналогия прозрачна. Писатель

ве с собою».

не просто о

жирами...

«забавные фигурки

трудности времени,

венного мышления.

Если, по утверждению одного

СЯ УСТОЙЧИВЫМИ...»

ка художест

ледних истинах?

ственно Леонову.

ся в узких проходах. Пояснений давать не буду.

– Бывает урожай на розы, на ос, на шершней. А ХХ век - это

урожай на экстремистов. В 1936 году был урожай на ос. Экстремисты схлынут, пройдут. - Что случилось с нами - ос-

Насилует женщину группа, и в их числе ее сын тринадцати лет. На рынке продавались молодые женщины в Горьком. После революции доходило до такой мерзос-

У меня была фраза: «Из революции можно смотреть только в

Народу еще не сказано то слово, которое одно может пробу-

дить его. Значит, не предуспело. - Несмотря на ежедневную санитарную работу, зло продолжает действовать. Если зло сильнее, нужна, видно, другая работа, кро-ме писателей. Более реальная, созидательная работа власти.

Писатели воздействуют только на души и сердца, а надо воздействовать на умы и руки.

 Сейчас экологически запре-щена душа, она низведена до низшего ранга, экологически перегружена политикой. Все пропитано ею, от нас требуют наслаждаться красотою, которая подсвечивается политикой. Это делается в ущерб большой человечности. А этого природа не терпит и

- «Это очень важное мнение», добавлял Леонид Максимович. Да, именно здесь, на этих ко-

ординатах мысли, неравнодушной к судьбе Отечества, России, обитал со своей болью Леонид Лео-

...Здесь, в этой эпохе, на этих опасных, роковых, головокружительно-непрочных координатах со своей болью обитаю я. - уточнял писатель (эти же слова я найду потом и в его «Пирамиде»). Хотя есть и другая боль, десятью

порядками главная. - Какая?

- Не скажу.

- Эта боль связана с профессиональным делом или..

- Нет, это сильнее всякой профессии. Это та боль, о которой, если автор заслуживает, пишут полвека спустя...

Эта боль экстирпации (удалению) не подлежит. Она экстирпируется вместе с душою...

О какой боли думал Леонид Леонов, какой болью мучился в последние годы жизни, мысленно (он почти не видел) переворачивая куски гигантской «Пирамиды», плохо слушавшейся строгого мастера, вырывавшейся из-под упрямой воли, - можно только гадать, говорить об этом вслух еще не пристало.

Ведь мы еще не последовали его завету, почерпнутому им у Пушкина, которого он всегда цитировал в беседах: «Когда-нибудь монах трудолюбивый найдет мой труд усердный, безымянный, засветит он, как я, свою лампаду и пыль веков от хартий отряхнув.

правдивые сказанья перепишет...» Терпеливо и внимательно мы «не засели» еще за леоновский труд — труд всей жизни. В одном из последних интервью писатель скажет, что еще «осенью предвоангеле, командированном Богом в нашу жизнь, - вот где лежит исток замысла «Пирамиды), чтобы понять, в какие отношения вступает автор с романом «на фоне эпохи».

А это значит вторая часть вопроса: для кого строят пирамиды и с какой целью — остается ОТКОЫТОЙ

Ответ на него, хочется надеяться, будет лежать не в плоскости сиюминутных политико-экономических игр и манипуляций с сознанием современного человека, а в области культуры и культурных ценностей, той ее «мыслительной траектории», где роль писателя обозначена Леоновым как «роль следователя по особо важным делам человечества», вычерчивающего человеческие маршруты и проходы в завтрашний день, а культура — как образ человеческих существований, ког-

да-либо прошедших по земле... Леонов стремился передать нам свои страстные мысли о «блестинке наследия»: «Любое поколение... не более чем звено в длинной логической цепи. Не одни мы создаем наши навыки и богатство... И в этом смысле христианская басня о первородном грехе не представляется мне безнадежно глупой. Прошлое неотступно следует за нами по пятам, уйти от него еще трудней, чем... вырваться из власти образующего нас вещества. Только красивые съедобные рыбки да разные нарядные мотыльки избавлены от мучительного чувства прошлого, и не надо, не надо, чтобы человеческое общество достигло когда-нибудь этого идеала...» (2-я редакция «Вора»).

Не надо, — повторим мы вслед за его героем Фирсовым.

Прогулки с Леоновым в окрестностях этого богатейшего художественного мира, где возвышается теперь и «Пирамида», только начинаются.

Фото ИТАР-ТАСС.

Прогулки с Леоновым, или Восхождение к «Пирамиде»

достоинство в тех условиях...

Леонов начинал работать в литературе во времена РАППА, и его, как и многих других советских писателей, вульгаризаторская рапповская критика зачислила в «попутчики». Как-то писатель вспомнил в связи с этим такую

«Били нас жестоко, и однажды в газетах проскочила фраза: «попутчиков надо рассматривать с оттенками». Киршон, выступая кажется, на съезде партии, заявил: нас заставляют рассматривать оттенки, а не лучше ли их всех поставить к стенке. Вот в каких условиях мы жили и работали...». (Здесь и далее не публиковавшиеся ранее слова Л.М.Леонова вы-

делены курсивом. - И.Р.). В 30-е годы Леонов напишет Горькому: «Мы в очень трудное время живем. Перестройка идет такая, каких с самого Иеремии не бывало (Иеремия тут со смыслом). Время опасное, и о многом нельзя, а хотят - чтоб о соцсоревновании, о встречном промфинплане. Есть особая (тут я очень неточно, ибо еще не продумал) литературная философия людей, явлений, событий...»

Такой новый подход — философия людей, порожденных революцией, — не замедлил проявиться в романе «Вор» — «этой самой главное книге», которой писатель, оглядываясь на пройденный путь, отдавал предпочтение перед другими.

Я помню, с каким чувством глубокого удовлетворения и благодарности воспринял Леонов отзыв западногерманского писателя Вальтера Йенса, особо выделившего из прозы XX века наряду с Бабелем и Владимиром Набоковым его «Вора», назвав «одним из лучших романов XX века».

Именно в связи с этим романом Леонид Максимович говорил - в разговоре со мной — о роли критики, о том, что в критике, как и в литературе, талант желателен: .. Мне не везло на критиков.

Что только не писали о моих произведениях, как не ругали... сейчас даже трудно представить. Критики навязывали мне свою эстетику и этику. А она у меня

своя. Я играю Шопена, а мне навязывают Баха... Критики не учитывают всех об-

стоятельств, по которым пишет

Когда я сажусь за стол, я ничего не знаю о своем персонаже, Я собираю факты, рассматриваю их в лупу, располагаю таким образом, чтобы мой приговор выносил читатель. Окончательный приговор выносит эпоха...

В 1931 году, в присутствии Сталина, Бухарина, Чухновского за столом Горький сказал о моем «Воре» очень хорошие слова (они

30 лет спустя я сел и переделал роман... В первой редакции я романтизировал Векшина (главного героя романа. — И.Р.). Во второй — я его изменил в худшую сторону.

Вторая редакция — это в лупу рассмотренные узлы «Вора»

Думают, что я переделал «Вора» по требованию Сталина. Говорят, что у Сталина видели весь перечеркнутый красным карандашом текст «Вора» его разыскать... Но это была аб-

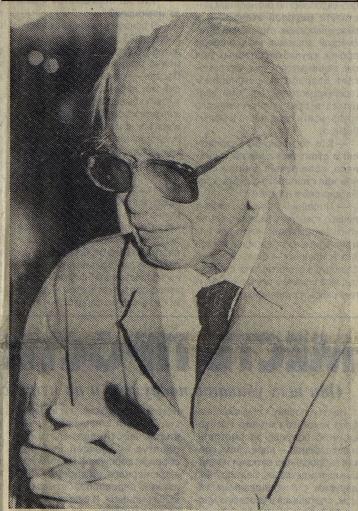
солютно моя авторская воля. ..Нельзя бранить автора за выбор темы, тех или иных героев. Бюффон говорил, что человек - не только его стиль, но и конституция.

Не могу отказать себе в удовольствии открыть старый пожелтевший номер «Нового мира» полувековой давности (N 10, 1931), где в дискуссии ВССП (Всероссийский союз советских писателей) по вопросам творческого метода напечатана речь Леонова.

Леонида Леонова не стало 8 августа 1994 года.

Сейчас уже трудно припомнить — так стремительно одни страшные события вытесняются другими (война в Чечне), чем были заняты газеты в те последующие дни августа, когда душа писателя, возможно, еще находилась среди нас, живых, прислушиваясь к нашим разговорам, спорам, мнениям... Быть может, ее волновало и наше отношение к его «Пирамиде» роману, которому он отдал полвека жизни, успел закончить и оставить нам — как и положено мастерам — в качестве посмертного завещания.

Но общественные умы были заняты совсем иным...

мысли не только мои, но и другого человека.

После этого начался погром Вызвали меня к Ангарскому в Агитпроп. «Что вы делаете? — говорю. - Молотком по голове. Я инструмент нежный, слома-

Леонов не сломался — он оказался «инструментом», сработанным налолго.

Но сколь страшно смотрится в его воспоминаниях вмешательство («поправки») партии и правительства не только в личные судьбы «инженеров человеческих луш» (об этом мы знаем достаточно хорошо), но и в святая святых творчества — в этику и эстетику, навязывание законов, которые уважающий себя художник, согласно пушкинскому завету, ус-

танавливает сам над собой. В рассказах Леонова особенно впечатляет история, как сломался Фадеев, — в ней есть новые детали и подробности:

Фадеев был красивый человек. Но дар у него был небольшой... Тема эпохи - это очень трудно... Фадеев начал пить... Жизнь у него была трудная.

Тему «Молодой гвардии» первому предложили мне - позвонили из «Комсомолки». Я согласился, но при условии, что буду работать как хочу. - Нет, нам нужна документаль-

Я отказался.

Фадеева я знал. Это - серьезная драма. Он очень верил в Сталина, хотя после его смерти оставил письмо.

Как-то мне Шолохов сказал (в поликлинике): «Ворошилов, кото-

Можно предположить: Леонов с документом, пытаясь найти форвбирающую в себя сотни обжигающих душу свидетельств и сжиобъемного философского логарифма... «Пусть эта формула громоздка сегодня... по мере накопбудет сжиматься до размеров поэтической строки, иероглифа, наконец, магического знака...» («Еvgenia Ivanovna»).

Только так, по мысли Леонова художник может потрясти живую человеческую душу.

В «Пирамиде» — это картина фантастического зрелища гигантской стройки — ГУЛАГа, где возводится исполинская статуя «отца всех времен и народов», увиденная глазами будущего узника Вадима Лоскутова. Ему «посчастливилось»: он увидел нечто символическое — над гигантским «карнизом брови, на закраине нижне-

Художественный прием? А может быть, единственно возможное для писателя стремление именно так сказать о мучившей его страшной загадке русской истории равнодушии русской души к своей судьбе?

Ближе к концу романа уже и сам Вадим Лоскутов, погибший в лагерях, явится в обличье фантома

обгонял «Пирамиду», которая строилась, как и положено пирамиде, медленно.

как художник по-своему «боролся» му обобщения, нет, прозрения, мающуюся до размеров формулы ления человеческой зрелости она

лечение их невозможно без радикальных мер. То, что создавалось подвигом, сохраняется таким же подвигом. Сегодня, если мы хотим что-то сделать, пришло время максимальной искренности. И то, что на душе у народа скопилось, надо прочесть и принять как библейскую истину. Нельзя ошибиться в том, что народ чувствует. Это и есть та стихийная магистраль, та лоция, по которой надо идти. В России X1X века была го-

лодуха, а с другой стороны, были Чайковский, Достоевский, Гоголь. Пушкин. Лермонтов. А ныне все смешалось, сравнялось, понизилась интеллигентность.

о массовой культуре одним из самых сложных, каверзных и опасных, сходных с подводными минами, которые устанавливают-

Мне представляется вопрос

го века сидящего бестрепетно, с полным равнодушием к собственной судьбе подзапущенного мужичонка из российской глубин-